

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Татьяны Николаевны Барановой «Генезис и образотворческая функциональность поэтики “больших стихотворений” Иосифа Бродского», представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (Санкт-Петербург, 2024)

Диссертация Т.Н. Барановой представляет собой интересное и вполне актуальное научное исследование, в центре которого оказывается литературное явление, о котором вот уже в течение нескольких десятилетий пишут филологи разных поколений, принадлежащие к различным научным направлениям и школам. Действительно, так называемые «большие стихотворения» большинство современных бродсковедов считает по праву наиболее репрезентативной формой его творчества, в которой оригинальность личности и манеры поэта проявилась наиболее ярко и отчетливо.

Как справедливо писал непосредственный предшественник нашей диссертантки, смоленско-петербургский филолог Антон Александрович Азаренков в своей диссертации 2017 г. «Поэтика композиции “больших стихотворений” Иосифа Бродского», «в исследовательской литературе, касающейся “больших стихотворений” Бродского, можно выделить две тенденции. В русле первой из них подобные тексты рассматриваются как жанр (с точки зрения наследования признаков классических жанров или сознательной оппозиции традиции <...>; ученые, примыкающие ко второй, используют «большие стихотворения» преимущественно в качестве материала для изучения общей поэтики Бродского или предлагают отдельные образцы смысловой интерпретации этих текстов».

Татьяна Николаевна со всем присущим молодости пылом стремится объединить в своем исследовании обе эти тенденции, рассмотреть, наконец, «большие стихотворения» одновременно и как явление жанровое, и одновременно - как важнейший компонент «общей поэтики» выдающегося автора.

Именно это стремление, в значительной мере осуществленное в рецензируемом сочинении, обеспечивает ему необходимую для квалификационной работы степень новизны и актуальности диссертации.

Свое исследование Т.Н. Баранова основывает на основательном освоении работ предшественников – филологов, писавших о Бродском и его поэзии в течение последних 30 лет, включая крупнейших зарубежных специалистов; об этом лучше всего свидетельствует капитальный список литературы, завершающий работу и включающий 181 название – можно ответственно сказать, что в этой части сочинения нет или почти нет значимых пропусков.

При этом речь в большинстве случаев идет именно об освоении, причем активном и критическом: диссертант постоянно цитирует своих предшественников, спорит с ними, высказывает и отстаивает – правда, не всегда достаточно доказательно – собственную точку зрения.

Кстати, читая критические замечания Т.Н. Барановой, лишней раз убеждаешься, что бродсковедение, несмотря на сотни опубликованных монографий и статей, до сих пор не стало наукой, тем более строгой: подавляющее большинство пассажей, причем принадлежащих самым авторитетным ученым, выглядит – по крайней мере, в представлении их начинающего оппонента – недостаточно доказательно, а то и просто оказывается чисто вкусовыми оценками, поставить под сомнение, а то и опровергнуть которые не представляет особого труда.

В качестве примера приведу рассуждения о прямом влиянии на формирование «больших стихотворений» Бродского творчества Джона Донна, ставшем в бродсковедении едва ли не общим местом. Между тем, как показывает диссертант, поэт сам признает, что при написании своей знаменитой «большой элегии», посвященной английскому классику он был знаком с ним буквально понаслышке, точнее – по эпитафии из не менее знаменитого и гораздо более читаемого в те годы романа Хемингуэя «По ком звонит колокол». И Т.Н. Баранова показывает это вполне убедительно, в то время как интерпретаторы творчества Бродского сознательно или бессознательно интерполируют на его раннюю поэтику литературное влияние, реально проявившиеся значительно позднее, после основательного знакомства поэта с творчеством Донна и других английских метафизиков.

В этом, безусловно, сказывается пагубная привычка «вчитывать» в творчество любимого автора идеи и влияния, близкие самим интерпретаторам, иногда и никоим образом не способные появиться в конкретных произведениях. И наш диссертант несколько раз убедительно и по делу одергивает старших коллег, из самых добрых, как им кажется, соображений, старающихся «переумнить» своего любимого героя.

К числу других безусловных достоинств рецензируемой работы следует отнести желание доказать свои наблюдения над текстом постоянной апелляцией к биографии поэта, к характерным особенностям его личности. Правда, здесь Т.Н. Баранову иногда подводит все-таки чувство меры: например, о врожденном пороке сердца Бродского она пишет, как о страшной, «смертельной болезни», вспоминая о ней в работе более десятка раз, и напрямую выводит из нее (и только из нее!) трагическое мироощущение поэта – как будто не было в его богатой событиями судьбе других нелегких испытаний и невзгод. Аналогичным образом история незаконного суда над поэтом и его норинской ссылки дана в диссертации буквально как хроника страстей спасителя, что тоже выглядит как явное преувеличение – по крайней мере, если судить по результатам.

Но вернемся к удачам сочинения; среди них необходимо назвать точный отбор произведений, выбранных для конкретного анализа, составляющего

большую часть диссертации. Это – пять общепризнанных и неоднократно анализировавшихся предшественниками Барановой творческих удач Бродского, созданных в зрелый и поздний периоды его творчества и традиционно относимых к числу «больших стихотворений», а также два ранних произведения поэта, которые, как убеждает нас диссертант, могут рассматриваться как своего рода истоки оригинальной поэтической новации Бродского.

Вполне убедительно выглядят и рассуждения автора о «развилке» в ранней поэзии Бродского, когда он выбирал между двумя формами «длинного» высказывания: стихотворным циклом и «большим стихотворением», решительно выбрав в конечном итоге второй путь.

Однако сами рассуждения диссертанта о феномене «большого стихотворения» вызывают определенные сомнения. Начать с того, что по ходу текст оно называется то жанром, то жанровым образованием, то жанровой формой (что с точки зрения теории литературы – совершенно иное явление), то идиожанром (то есть, авторским жанром – понятием, введенным в научный оборот Ю. Чумаковым в 2003 г. (Чумаков Ю. Н. Заметки об идиожанрах Ф. И. Тютчева // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2003. № 3-4. С. 5-14), но получившим широкое распространение только в 2020-е гг.; напомним, что в совместной статье диссертанта и ее научного руководителя 2023 г. «Идиожанр Иосифа Бродского (“большие стихотворения”))» (Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 2 (113). С. 33–44) для обозначения явления используется еще один термин – автожанр. Такая словесная чехарда не дает точного представления о том, что же все-таки перед нами: действительно жанр, жанровая форма или индивидуальное авторское наименование той или иной формы, вполне совпадающей с каким-либо вполне традиционным жанром.

Что мы реально имеем в случае с новацией Бродского – с нашей точки зрения, пока больше вопрос, чем окончательное решение. И в диссертации, в отличие от солидной коллективной статьи, теоретического бэкграунда для него явно не хватает, причем регулярные отсылки к Бахтину (не случайно, наверное, даже не упомянутому в списке литературы) выглядят скорее как отписки – опять же по сравнению с основательной проработкой проблемы с учетом опыта отечественной теории литературы в череповецкой публикации.

Значительным преувеличением кажется также представление об абсолютной уникальности «большого стихотворения» в поэзии – современной и классической: тут масса примеров из тех же Донна и других английских метафизиков, Гюго и Ламартина, «каталагизаторов»-верлибрисов Уитмена, Неруды, Арагона и т.д.; из наших «многописцев» - не только упоминающегося в работе Баратынского, но и из других русских элегиков начала 19 века, из многочисленных советских графоманов - да их тех же Евтушенко или Кушнера, наконец – стоит только внимательно посмотреть вокруг, а не исключительно в книги любимого и единственного героя своей работы! Поэтому высказанное на с. 14 утверждение: *«большое стихотворение у*

Бродского <...> ни в русской, ни в зарубежной поэзии не имеет аналогов, бродский жанр длинных/больших стихотворений специфичен и уникален» - по меньшей мере нуждается в существенном уточнении.

При этом диссертант настойчиво повторяет, что собственно длина «больших стихотворений» для их «квалификации», как выражается диссертант, не только не важна, но и не имеет никакого значения, что звучит по меньшей мере странно: если параметр действительно не важен «для квалификации», необходимо и называть явление как-то по другому, по крайней мере в самом термине постараться избавиться от «неправильного», не связанного со смыслом слова. Тем более в условиях, когда «едва ли не каждое стихотворение Бродского, даже самые ранние из них таят в себе зачатки и признаки характерных для его поэтологии больших стихотворений» (с. 51).

Впрочем, в других местах «оказывается» вдруг что длина как показатель жанра все-таки важна...

Далее, в свете стремительно развивающейся сегодня нарративистики и теории (а точнее – нескольких теорий) субъектной организации лирики и соответствующего ей понятийного аппарата крайне неубедительно, даже пародийно выглядят обороты типа «Сложная многоликая система лирического субъекта неизбежно оказывает влияние на нарративный план больших стихотворений» (с. 25), «в систему категориальных признаков большого стихотворения Бродского нами привносится образ лирического субъекта, своеобразное выстраивание которого в тексте весьма эффективно влияет на поэтику длинных текстов» (там же), «Лирический субъект здесь подчеркнута реалистичен и объективен – он бродит по городу, наблюдает городской пейзаж, испытывает холод и ветер», «нарративно-личностная переподстановка» и т.п.

Вообще, теоретико-литературная база исследования – в отличие от широких и глубоких познаний нашего автора в области практического бродсковедения – часто позволяет желать лучшего. Прежде всего это видно опять-таки в ссылках. Так, объясняя нам, что такое элегия, диссертант не находит более авторитетного источника в этой области чем... школьный «Словарь литературоведческих терминов» под редакцией Л.Н. Тимофеева и С.В. Тураева – а почему не новейшие научные словари и энциклопедии, не на капитальные работы по теории и истории русской элегии того же Л.Я. Фризмана, не на зарубежные справочники, наконец? Говоря же о заглавии и заголовочном комплексе произведения, диссертант цитирует не монографии и научные статьи, а учебники и учебные пособия – правда, на этот раз достаточно новые и вполне приличные («Филологический анализ текста» Н.А. Николиной (М.: Академия, 2007) и «Введение в литературоведение» Л.В. Чернец и В.Е. Хализева (М.: Высшая школа, Академия, 1999),

Далее, диссертант неоднократно утверждает, что анжамбаман однозначно создает в стихе Бродского эффект прозаизации, что по меньшей мере очень сомнительно – скорее, напротив: как утверждают специалисты по стиховой интонации, начиная с Ю. Тынянова (например, та же упомянутая в

списке Светлана Алексеевна Матяш) стиховые переносы, принципиально невозможные в прозаической речи, являются неизменным признаком именно стиховой речи, подчеркивают «неправильность», аномальность стиха по сравнению с прозой.

Большие сомнения вызывает и цитируемое в работе мнение о большей близости пятистопного ямба к английской, а четырехстопного – к русской традиции: результаты многолетних изысканий и кропотливых подсчетов М.Л. Гаспарова и его последователей показывают, что Я4 действительно преобладал в стихе русской элегии 1920-х гг., но благодаря Пушкину и его «изобретению» «Домика в Коломне» пятистопник начал решительно теснить этот размер и скоро вышел на первое место в репертуаре русской поэзии!

Наконец, некоторые досадные мелочи, на которые, тем не менее, нельзя не обратить внимания. Так, уже на с. 3 диссертант пишет, что «В последние десятилетия регулярно издаются собрания сочинений Бродского», между тем как на библиотечных и книжных полках есть только одно издание, которое – причем очень условно – можно так назвать: многотомные «Сочинения Иосифа Бродского» 1992-1996 и 1997-2001 гг. (комаровский и гординский варианты одного издания), да маскультный однотомник «малого собрания сочинений», несколько раз стереотипно выпущенный «Азбукой».

В главе, посвященной «Большой элегии Джону Донну» ее «умерший» (так на с. 77) адресат сначала назван «поэтом средневековья» (это в 17-м то веке!), затем неоднократно – «аббатом» (хотя справедливости ради наказать, что это недоразумение идет от Бродского, очевидно, знавшего откуда-то, что поэт родился в католической семье, но не знавшего, что он был священником и проповедником англиканской, а не католической церкви, то есть викарем или ректором (собственно священником); многие его проповеди как раз и были направлены против католиков, в т.ч. и аббатов) и постоянно – поэтом-проповедником (тогда Тютчева следует у нас называть поэтом-дипломатом, Лермонтова – поэтом-поручиком, Пушкина – поэтом-камер-юнкером и т.д.).

Далее, по непонятным причинам диссертант представляет коллег по цеху то как «исследователь Чевтаев, исследователь Корчинский, исследователь имярек», то как «московский (эстонский, приморский, смоленский и т.д.) исследователь такой-то», то как просто по фамилии – несистемность речевого этикета выдает тут неуверенность автора в себе в сочетании с претензией на ранжирование оппонентов, нередко сочетающуюся с нескромным для начинающего ученого стремлением к прямым оценкам (типа Н ошибочно считает, М. не учитывает и т.п.), что опять-таки выдает в авторе неопытность и неуверенность.

И наконец - два слова о стиле работы: очень часто диссертант увлекается и буквально вываливает на читателя - видимо, стараясь соответствовать описываемой в работе стилистике «больших стихотворений» Бродского – барочные нагромождения «красивых» терминов, на глазах утрачивающие смысл и тоже превращающиеся почти в пародию, например, «Прозаические интенции превалируют» (с. 56), «лапы ели – традиционный индикатор

похоронного ритуала, в славянском сознании служащий синонимом пальмовых ветвей» (с. 57), «Иллеическая стратегия изобразительного ракурса» (с. 62) и т.д.

Отсюда же и буквальные удвоения-тавтологии типа масла масляного или прейскуранта цен: семантический смысл, нарративно-повествовательные стратегии, голосовой звук и т.п.

Однако будем надеяться, что все это – лишь неизбежные для начинающего ученого болезни роста, от которых Татьяна Николаевна сумеет без особого труда избавиться уже в самом ближайшем будущем.

При этом сочинение Т.Н. Барановой, несмотря на указанные огрехи, представляется вполне актуальным, научно корректным, несущим возможности практического применения. Автореферат и публикации достаточно полно отражают основные положения работы. Должный уровень апробации на конференциях различного уровня отражает общую ценность диссертации.

Остается констатировать: в общем и в целом диссертация Татьяны Николаевны Барановой «Генезис и образотворческая функциональность поэтики “больших стихотворений” Иосифа Бродского» выполнена в соответствии с требованиями пп. 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор, Татьяна Николаевна Баранова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Я, Орлицкий Юрий Борисович, согласен на автоматическую обработку моих персональных данных.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник УНЛ мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета.

20.11.2024

Юрий Борисович Орлицкий

Полное наименование: Факультет филологии и истории, Институт филологии и истории, кафедра филологии и истории, кафедра филологии и истории, кафедра филологии и истории.
Подпись: Орлицкого Ю.Б. ЗАВЕРЯЮ.
Должность: Декан факультета по управлению.
Подпись: Орлицкого Ю.Б. ЗАВЕРЯЮ.
Должность: Декан факультета по управлению.
Подпись: Орлицкого Ю.Б. ЗАВЕРЯЮ.
Должность: Декан факультета по управлению.

Филология и Высшее образование, Институт филологии и истории, кафедра филологии и истории, кафедра филологии и истории, кафедра филологии и истории.
Подпись: О.В. Павленко.
Должность: Проректор по научной работе.

Проректор по научной работе
О.В. Павленко

Россия, Москва, Самаркандский б-р, кв-л 137а, корпус 4, кв. 104. Тел.: 8-916-5714200. Электронная почта: ju_b_orlitski@mail.ru